

● Л. Н. Толстой и С. А. Толстая

Ясная Поляна, 1910 год.

● Яснополянский дом.

ОН СОЗДАЛ ЦЕЛЫЙ МИР

Андре МОРУА

Выдающийся французский писатель Андре Морюа (1885—1967) считал Л. Н. Толстого одним из величайших писателей мира, высоко ценил его творчество и не раз писал о его громадном влиянии на мировую литературу, французскую в частности. В статье «Самый великий» Морюа замечает:

«Он был для нас не просто гениальным писателем. Над каждой эпохой господствует несколько свободных умов, которых она почитает и которые направляют ее мысли. Толстой был одним из этих умов».

Публикуем (впервые на русском языке и с сокращениями) предисловие Андре Морюа к изданию «Войны и мира», вышедшему в 1956 году.

«Войну и мир» я считаю прекраснейшим романом, какой был написан когда бы и где бы то ни было. <...> Великий роман Толстого — самый близкий к правде жизни, самый романтический, в полном смысле этого слова, самый гуманный, какой был когда-либо задуман и написан.

Здесь, на протяжении полутора тысяч страниц, создан целый мир. <...> Мы лучше знаем семью Ростовых, семью Болконских, чем своих друзей и членов своей семьи. Наташа Ростова возбуждает у нас больше интереса, привлекает нашу любовь больше, чем любая живая женщина. В князе Андрее я угадываю душу, родственную моей. Если есть на свете человек, с которым мне хотелось бы дружить, то он должен быть похож на него. Даже второстепенные персонажи более жизненны, чем люди, которых встречаешь в жизни, более реальны, чем реальные лица. Я знаю Тушина, Денисова, Берга лучше, чем офицеров, с которыми был на войне.

...В противоположность «Человеческой комедии» Бальзака, похожей на мозаику, «Война и мир» — гигантская фреска. На ней изображена большая группа людей, движущаяся, как единое целое, сквозь войну и мир... Это не только великий роман, но и целая эпопея. Читая ее, вспоминаешь не только Бальзака или Стенда-

ля, но и Гомера. «Война и мир» — самый замечательный эпический роман в истории всех литератур.

...Как был избран сюжет этого произведения? С «Войной и миром» произошло то же, что и со многими другими шедеврами: сюжет не был свободно избран автором. Он возник благодаря ряду случайностей и задержался в сознании Толстого потому, что отвечал его тайным потребностям. В течение всего 1863 года, следующего за женитьбой, он колебался между несколькими планами и даже думал вновь поступить на военную службу. Но в феврале 1863 года в его дневнике появилась запись, имевшая огромное значение: «Отверженные» — здорово!»

Эта запись освещает ход его мыслей. «Отверженные» — роман очень больших масштабов, где история образует гармоническое целое с судьбами отдельных людей, роман, перемежаемый философскими отступлениями. Разве это не то же самое, что предпримет Толстой?..

Сначала он задумал написать роман «Декабристы». Это была хорошая тема, и Толстой, после долгих изысканий в библиотеках, написал первые главы этого романа. Но чтение исторических трудов привлекло его внимание к другому сюжету, который еще лучше укладывался в эпическое повествование: к 1812 году, к походу Наполеона в Россию, закончившемуся победой русских войск. Потом он быстро понял, что 1812 год был только развязкой драмы; по-настоящему она началась в 1805 году. И Толстой целиком отдается роману, носившему вначале название «1805 год».

Ни один романист не имел столь благоприятных возможностей, чтобы собрать материал для подобной книги. Толстой принадлежал к двум древним знатым семьям, его предки играли важную роль в русской истории. Его дед с материнской стороны, князь Николай Волконский, стал прототипом старого князя Николая Болконского в романе, а имение этого князя, Лысье Горы, напоминает Ясную Поляну. Но настоящий романист никогда не копирует живых лиц без всяких изменений, его персонажи — типы собираемые. Князь Волконский будет князем Болконским в той же мере (довольно слабой), в какой Тьер был Растиньяком <...>.

...Вот где правда! Когда автор талантлив, ни один персонаж его книги не бывает списан точь-в-точь с одного человека. Наташа Ростова во многом напоминает молоденькую свояченицу Толстого, Танечку Берс, но в Наташе есть черты и Сони, жены автора. «Я взял Сонию», говорил он, — сплавил ее с Таней, и получилась Наташа».

Иногда чтение книг наводило Толстого на мысль о той или иной сцене, той или иной черточке характера. Персонаж находит для себя пищу в жизни романиста, в окружающей его среде, развивается в уме автора, как дитя в утробе матери усваивает ту же пищу, что она.

...Почти во всех прославленных романах в центре повествования находится герой, через восприятие которого даны события... Толстой, этот всемогущий демиург, не нуждается в таком посреднике, он смотрит с точки зрения творца. Каждый персонаж живет собственной жизнью, занимая в романе свое место.

Все же мы чувствуем в некоторых характерах черты, свойственные самому автору. В «Войне и мире» Толстой раздваивается. Частицы его души есть в князе Андрее Болконском, в Пьере Безухове. Быть может, князь Андрей воплощает его самого, недовольного собой, каким он был ко времени женитьбы, а Пьер Безухов — человека, каким он хотел бы стать. Оба они, как и Левин в «Анне Карениной», который является другим отражением Толстого, обуреваемы страстным желанием действовать; обоих терзают сомнения. Но князь Андрей познает жизнь лишь умирая, между тем как Пьер, женившись на Наташе, обретает счастье.

* * *

Когда начало романа появилось, под названием «1805 год», критики задали вопрос: к чему клонит автор? Это было верное и мастерское изображение русской знати начала века. Персонажи вызвали симпатию, но некоторые читатели были сбиты с толку бесчисленными французскими фразами и множественностью тем. В сущности, Толстому понадобилась эта предварительная подготовка, чтобы обрисовать основы того общества, над которым разразится впоследствии военная гроза. Название «Война и мир» было принято им лишь в 1867 году, уже после издания первых двух томов. Это название превосходно и сразу оповещает читателей о широких исторических перспективах, которые развернутся перед ними.

Исторический роман сопряжен с большими техническими трудностями, чем всякий другой жанр. Чтобы читатель заинтересовался событиями, нужно, чтобы последние были тесно связаны с личной жизнью и чувствами персонажей, уже принятых читателем, полюбопытствовавшим к нему или же вызвавшим его неприязнь. Если автор хочет ввести знаменитые личности, жившие на самом деле — Наполеона, Александра, Мюрат, Кутузова, — ему необходимо располагать самой полной документацией, ибо всякая ошибка будет смешна; но в то же время он должен суметь оживить эти исторические манекены, вдохнуть в них страсти, свойственные людям. Мы допускаем встречу Наполеона с русским солдатом, уже нам знакомым, но с тем условием, что при этой встрече оба останутся живыми людьми.

Историк, не наделенный талантом Толстого, с трудом различает действующих лиц сквозь завалившую их кучу накопленных фактов, говорящих больше об эрудиции автора, чем о характерах тех, к кому эти факты относятся. Но талант имеет право выбирать: он выделяет одну какую-нибудь подробность. Дасточно маленькой, пухлой руки Наполеона, подрагивания его икры, быстрой походки, чтобы мы увидели его как живого. Тучный, односторонний, слезливый, сонный Кутузов становится незабываемым образом. Как эпический поэт присваивал богам и героям определенные эпитеты («Ахилл быстроногий»), так Толстой дает «маленькой княгине», Лизе Болконской, короткую, чуть приподнятую верхнюю губку, Пьеру Безухову — наивную, доверчивую улыбку,

каждому генералу — отличительную черточку, которая упоминается не раз. Эффект от сочетания всего этого поразителен. История как бы возвращается вспять и оживает... Бородинская битва, поле которой Толстой изучал на месте (как Гюго — поле боя под Ватерлоо), происходит в реальной обстановке, между реальными солдатами.

Заметьте, что Толстой, как всякий историк, пользуется документальными источниками. Он прочел несметное количество мемуаров, советовался с очевидцами. В «Войне и мире» нет почти ни одной страницы, ни одного эпизода, к которым нельзя было бы дать ссылку с указанием, откуда они взялись. Но Толстой сумел правдоподобно сочетать вымысел с исторической истиной. Этот творческий успех особенно заметен в первых книгах романа.

Позже он поддает потребности осмыслить историю философски. Гюго в «Отверженных» уступил этому же соблазну. Мне кажется, что для полного совершенства художественного произведения философия его должна оставаться под спудом. Этическая ценность романа от этого ничего не теряет. Обаятельное впечатление от спокойного семейного счастья утихомирившегося Пьера и Наташи, ставшей матерью и кормящей младенца, дает моральный урок, преподанный не прямо в лоб, но более впечатляющий, чем длинный монолог о свободе и необходимости.

Все-таки я думаю, что мастеров надо не судить, а принимать и с благодарностью восхищаться тем, что они нам дали.

Конечно, Толстой придавал большое значение своим теоретическим взглядам на историю. Его главный тезис — что вожди не диктуют события, а следуют за ними, притворяясь, будто направляют их ход, или искренне веря, что дирижируют ими, хотя на самом деле подчиняются им.

«Почему Наполеон был искусным полководцем?» — спрашивает Толстой. Что это означает? Искусный полководец тот, кто предвидит все возможные случаи, угадывает все намерения противника. Но так не бывает! При игре в шахматы это возможно, потому что есть время думать и особенно потому, что правила неизменны. Слон всегда сильнее пешки; две пешки всегда сильнее одной. Но на войне батальон бывает иногда сильнее дивизии, а иногда — слабее роты. Все зависит от морального уровня войск, от чувства, одушевляющего каждого солдата. Кто может вызвать это чувство? Кто может его предвидеть?

«Но все-таки, — отвечает История, — всякий раз вместе с завоеваниями появлялись завоеватели; всякий раз, когда вспыхивали революции, появлялись великие люди».

«Действительно, — отвечает Толстой, — всякий раз, когда появлялись завоеватели — начинались войны, но это не доказывает, что их причиной были завоеватели».

О роли личности в истории, о детерминизме и свободе можно рассуждать без конца. Но жизнь продолжается, и художественное произведение таинственным образом раскрывает свою красоту. Настоящая философия «Войны и мира» не в отвлеченных умствованиях Толстого, а в нескольких замечательных местах, где читатель вместе с действующими лицами осознает, какие проблемы важнее всех. Это почти всегда тесное соприкосновение с природой, в сочетании со смертью или любовью.

Таков момент, когда раненый князь Андрей лежит на поле боя и над ним — одно лишь небо, по которому тихо проплывают облака. Таково и открытие, сделанное Пьером Безуховым, попавшим в плен, другого природного явления, столь же простого и величественного, — доброты русского крестьянина, воплощенной в Платоне Каратаеве, его товарище по неволе.

Война и мир чередуются, герои умирают или стареют. Даже Наташа «поширела». Но дети растут, деревья зацветают вновь. Все меняется, и все остается.

Вечны только звездное небо над нами и закон любви в наших сердцах. Почему? Ответ на этот вопрос, по Толстому, не входит в задачи ни поэта, ни романиста. «Война и мир»... — это книга, заставляющая любить жизнь, ибо дает, как величественная музыка, яркое ощущение неумолимой, но дышащей покоем поступи Времени.

Перевел с французского Валентин Дмитриев.

